

ЛЮДИ ИСКУССТВА

ЗНАМЕНИТЫЙ русский критик Аполлон Григорьев делил актеров на «два вида». Одни из них на каждую роль налаживают клеймо своей собственной личности, другие создают типы и характеры, почти совершенно от нее отошедшие.

Искусство актера Большого драматического театра Евгения Лебедева близко обоим «видам»... Он лицедей-живописец, глубоко постигший тайны перевоплощения. Он так умеет менять маски своих героев, что становится для зрителя подчас неузнаваемым. Вместе с тем «клеймо» индивидуальности просвечивает в лучших его ролях.

В сценической галерее артиста — удивительное разнообразие портретов. Кого только не играл Лебедев за свою тридцатилетнюю творческую жизнь! Редкоистый диапазон жанров, персонажей, возрастов, богатство стилистической палитры.

Актер представлял Иванушкой в «Ковьке-Горбунке» и Бабой Ягой, пуделем Артемоном («Золотой ключик») и мадемуазелью Куку («Безымянная звезда»), играл Павку Корчагина, деда Щукаря и шекспировского Фальстафа, Ухова («Моя старшая сестра») и брехтовского Артуро Уи. Неоднократно и с успехом выступал в ролях русской классики: Рогожин, Загорецкий, Монахов («Варвары»), старик Бессеменов («Мещане»). Поприщину в голголевских «Записках сумасшедшего».

С давних пор жили в актере эта неумная творческая жадность, желание сыграть как можно больше разных ролей. И сегодня Лебедев сохранил юношеский азарт и страсть к универсальному лицедейству: «Если бы мне сейчас дали роль пуделя Артемона или просто какого-нибудь дерева, я бы с большим желанием работал над этой ролью».

Вкус к сценическому мастерству, влюбленность в колдовство театральной игры, увлечение сценической маской и эффектами неожиданных преобразений на подмостках — важные черты артистической индивидуальности Лебедева.

Разные ипостаси мещанина представляли в созданных Лебедевым образах Монахова, Ухова, Бессеменова. Художника влечет к анализу психологии мещанства, в котором ему видится страшная и цепкая сила, уродующая человека.

В Монахове актер показывал человека-козляку, инфузорию, судорожно дергающуюся в густой отравленной тине провинциального болота. И вместе с тем роль не была однолинейной. В финале Лебедев искал иных светотеней. Контрастом к предвещаемому, как неожиданный проблеск чего-то искреннего, человеческого тихо звучала последняя фраза героя: «Господа, вы убили человека...» Почти фарсово показанное Лебедевым бытие Монахова обнаружило под занавес подлинность и глубину горя.

Спустя десять лет после премьеры «Варваров» Лебедев сыграл еще одну горьковскую роль — Бессеменова-отца. Актер стремился глубоко постигнуть психологию героя и создал характер емкий, сложный, своеобразный. Прежде всего Бессеменов у Лебедева — человек страдающий, тщетно пытающийся наступать твердую почву в накренившемся, скользящем в неизвестность мире. Он глубоко верит в добытую своим опытом «правду» и не может примириться с тем, что дети понимают жизнь иначе.

Долгие годы горбом своим лебедевский Бессеменов наживал добро, строил дом, создал быт и семью, укоренился на земле. И не для себя, а для детей, для потомков своих, для тех, кто теперь с легкостью готов разбросать врозь и пустить все прахом. Это-то и порождает драму в душе отца.

В «Мещанях», поставленных Г. Товстоноговым, столкновение поколений — это и борьба миропониманий. Тяжелые предчувствия томят душу Бессеменова, стоном истерзанного сердца вырывается его признание: «Боюсь я, время такое — страшное». И скупые слезы скатываются по его щекам.

Лебедев писал о замысле этой роли: «Я, актер, хочу прежде всего видеть в Бессеменове человека, от-

крыть в нем высокое и элементарное человеческое начало».

Рядом с драмой в трактовке Лебедева соседствует ирония. И в этом актер также следует за Горьким, говорившим о том, что положение Бессеменова «нелепо», что он бессилён понять смысл окружающей его жизни. Вместе с любовью к детям и другими человеческими побуждениями в нем живет мелочная раздражительность, срывающаяся иногда в злобную истерику. К сожалению, в одной из сцен драматическая ирония Бессеменовой судьбы мельтешит. У Горького фразу «Полицию зови!» Бессеменов обращает к Татьяне. В спектакле Бессеменов — Лебедев, словно лишившись рассудка, аккуратно составляет с подокоонника горшочки с геранью и истошно вопит в раскрытое окно. Это вопль в никуда, жест помешанного. Такой интерпретацией актер стремительно снижает героя. Из человека проти-

ЛИЦО И МАСКИ АКТЕРА ЕВГЕНИЯ ЛЕБЕДЕВА

воречивой судьбы Бессеменов вдруг превращается в выжившего из ума, потешного и ничтожного старика. Вмешавший в себя разные грани человеческого бытия характер в этой сцене упрощается.

Настоящим открытием Лебедева стал дядя Ухов из спектакля «Моя старшая сестра». Современный тип обывателя актер показывал со многими внешними признаками добродетелей и как бы жизненной умудренности. Ухов — Лебедев активно страдал своим племянником, искренне желая устроить их судьбу, а в действительности ломал и уродовал ее своей слепой волей.

И в том, что драматическое противоречие это сам Ухов не осознавал, в его убежденности крылась особая опасность социального типа, раскрытого Лебедевым. Сознание героя осталось на уровне элементарного потребительства, а взгляды — его замкнуты рамками старческого консерватизма. Их тонкому разоблачению и подчинены были усилия актера.

Не слишком далеко от Ухова ушел и Григорий Степанович Галкин из спектакля «Неравный бой». Здесь тема человеческой узости, не по-доброму прожитой жизни, деспотическое отношение к молодым освещались светом запоздалых прозрений, полного горечи раскаяния в своем прошлом.

Искусство Лебедева многогранно и духовно содержательно. Его роль психологического репертуара всегда, как сказал бы Немирович-Данченко, с богатым «шлейфом». В них раскрыто не только настоящее, но и прошлое, биография героев. Сценическое бытие актера обычно имеет глубинный второй план.

Многокрасочная интонационная палитра артиста. Поистине изощренно, ярко его пластическое мастерство. Искусство жеста и движения помогает Лебедеву создавать броские сценические портреты в спектаклях самых различных жанров, в ролях резко не похожих по стилистическим задачам. Рядом с ха-

рактерами, решенными средствами бытовой образности, в репертуаре актера соседствуют персонажи сатирические (как, скажем, Загорецкий) и даже гротескные (Артуро Уи).

В «Горе от ума» Загорецкий — Лебедев становится одной из самых страшных и мрачных фигур. Не заурядный плут, мошенник, но матерый подлец. Не жалкий сплетник, но осведомитель, сделавший донос и клевету орудием своих тайных целей. Загорецкий — Лебедев в спектакле был как бы всездущим — он неожиданно возникал в толпе и столь же внезапно исчезал.

В эпизоде разрастания сплетни о сумасшествии Чацкого Загорецкий — Лебедев становился едва ли не самой активной фигурой, одним из вершителей на том шабаше клеветы, в который театр превращал эту сцену. Он с лихорадочной стремительностью перебежал от одной фигуры к другой, разнося грязную сплетню с деловитостью и упосином одновременно.

В роли Загорецкого (так же, как и в роли Артуро Уи) обнаруживается своеобразный дар актера выпукло показывать людей с изломанной психологией, ненавистническими инстинктами. Их характеры как бы пеняются мстительной злобой, источают яд предательства и коварства.

Показывая разные этапы стремительной карьеры Артуро Уи, Лебедев обнаруживал виртуозную технику и гражданственность пафоса. Подчеркнув сатанинскую «невероятность» стремительного вознесения Артуро Уи из тьмы социального подполья на высоты власти, сделав наглядным превращение мелкого уголовника в государственного тирана, актер углубил брехтовскую тенденцию к диалектике характеров и обстоятельств, к анализу их роковых и неожиданных превращений.

Нельзя сказать, что творческий путь Лебедева — художника сцены всегда, прям и ровен и пролагался только от успеха к успеху. Нет, бывало всякое. В спектаклях иногда появлялись образы, тщательно разработанные, но выпадавшие из сценического ансамбля, как, например, дед Щукарь в «Поднятой целине». Бывали и малоудачные роли, свидетельством чему Фальстаф в «Генрих IV». В последнем случае причина в некотором несоответствии индивидуальности актера и требований роли.

Лебедева не отнесешь к тому ряду художников, у которых легко обнаруживается магистральная тема творчества. В его многоликом искусстве перекрещивались и сменяли друг друга разные темы и концепции. Иногда называют Лебедева актером «современной трагедийной темы». Это определение не кажется нам точным. Артисту в гораздо большей степени свойствен пафос изобличения отрицания, нежели утверждающие мотивы, присущие героям трагедийного масштаба.

Лебедев обладает талантом глубоко проникать в психологию характеров. И, конечно, ему подвластно умение обнаружить скрытый драматизм человеческой судьбы. Но большинство ролей его репертуара не дает оснований для героизации. Лебедев — актер характерный.

В пестрой череде не похожих друг на друга его персонажей угадывается иная, более характерная для Лебедева тенденция. Он в своем творчестве является как бы патологоанатомом: будто рассекая оболочку, он извлекает наружу болезненное и уродливое, что за нею крылось. В его сценических портретах за обычностью облика часто возникают и разоблачаются слепота и черствость души, деспотизм воли и извращенность ума, нечистая совесть или черты совсем звериные, хищнические.

Народный артист СССР Е. Лебедев — один из крупнейших мастеров ленинградской сцены. В энергии творческих порывов, в неудовлетворенности достигнутым, во взыскательности таланта — залог успехов и свершений художника, на пути которого еще много ролей.

М. ЛЮБОМУДРОВ